

Вячеслав МОРДВИНОВ

Родился в Барнауле. Окончил первый курс Алтайского политехнического института по специальности «Автомобиле – и тракторостроение». Далее продолжил учёбу в Алтайском государственном университете на физическом факультете. С 2007 г. стал посещать литературное объединение «Беловодье» (руководитель – Ю. А. Нифонтова). В апреле 2009 г. принимал

участие в краевом семинаре молодых литераторов, в июне 2013 г. – во Всесибирском семинаре молодых литераторов. Живёт в Барнауле. Член Союза писателей России.

Там, где нас нет, безумно хорошо!
Вот локоны, идущих мимо, женщин
Подбросит ветер ровно на вершок –
А нас уже и впрямь немного меньше.

Мы далью свой испытываем глаз
С прицелом на хорошую охоту.
Но с выстрелами станет меньше нас –
Как, впрочем, и дыханья у кого-то.

Пустые крыши – солнца зеркала,
Базарный гвалт и птичье превосходство
Природа-Мать в избытке чувств дала,
Чтоб меньше было нас во мгле сиротства.

Исполнив замечательный завет,
Мы подождём отставших у порога,
Нашедшие, чего в помине нет,
Для тех, кого в пути ещё так много.

Когда у жизни на краю,
Когда у жизни на обрыве,
То очень хочется шагнуть
В её непреходящий ливень!

И вспомнить всё – и стать собой:
Неторопливыми шагами,
Вдыхая смело дух земной,
Измерить мир над облаками.

И если долгий караван
Воды немало обещает,
Как не поддаться на обман,
Неправде правду возвращая?

Пустынной ласкою согрет,
Я – тьма песка, за сменой смена.
И только узкой щелью свет
Висит над бездною Вселенной.

У освещённого виска
Несётся ветер, стыннут звёзды...
Дождя протянута рука –
И останавливаться поздно.

На минном поле тишины
Ещё случаются разрывы.
Но в отголосках той войны
Мы живы.

И мало кто уткнётся вдруг
С размаху в небо голубое,
Продляя золотистый звук –
Живое.

На минном поле тишины
Мы порознь, в месте без порыва.
До помощи со стороны –
До взрыва.

День незаметнее, чем ночь.
Сказать, что прикоснулся – трудно
В желанье глупо превозмочь
Уединённое прилюдно.

И обратить свой беглый взор
На вещи, что в начале слова.
И удивляться с этих пор
Всеми, что существует снова.

И знать на всём пределе сил
О смысле собранного света.
Но только если не светил,
Я не смогу уснуть за это.

Всеми основа: может быть –
Из ничего, из ниоткуда.
Благословенна сердца нить,
Что нас смогла соединить –
Простое чудо.

Ты знаешь... далеко во тьме,
Отпущен доброю рукою,
Кораблик – свечка на корме:
Он принят ласково вполне
Большой рекою.

И нет ни просьбы, кроме той,
Что пламя тихо охраняет...
Несёт вода туманный слой –
И слов молитвенный покой
Волна качает.

Тропинки слов на берегу
Торит не мой народ.
И потому мой ум в снегу
И нужен лёгкий брод
От впечатлений мягких до
Крушенья старых схем.

Ну а пока трясу пальто,
Не сплю, и что-то ем.
Бежит, бежит – не задержать
Народ на старый круг:
Опять на деле двадцать пять
От колесницы рук.
Цепочки заячьих следов,
Рулады волчьих тем.
И всё в сплетённой вязи слов
Из-под мифологем.
Опали дни и спутан мох –
Всё белый океан!
Бумажный лист – тетрадный бог.
А в голове обман.

Беседую. Так не хватает дня.
Я вижу свет на городских просторах.
И мы, кто в понимании родня,
Отводим душу в тайных разговорах.

Во сне привычный вид меняет лик.
Каре домов – что горные утёсы.
И реки быстрые, и луг, а не тупик
Нам задаёт загадки и вопросы.

Зелёной краски не жалеет сон
На партитуру ветреных волнений.
Легко ль молчать, когда ты слышишь звон
И рост вниманья – юный и весенний?

Переиграю заново права,
В чьих правилах общенье на излёте.
И день подбросит в печь мою дрова,
Чей дым творит слова на обороте!

Такой простор, что не избыть никак.
Над озером большим – туман утрами.
И водный отплеск в приоткрытой гамме
На место ставит беглый нотный знак.

Всё мастерски едино, слито так,
Что и меня без этого немного.
Кедровых игл пушистая дорога
Проводит ветра музыкальный шаг.

О плечи великанов опершись,
Отроги грея струнными лучами,
Повторена в озёрной древней раме,
Слух обретает облачная высь.

«Какой оригинал...», – Вы снова скажете.
Но, что поделать – копий больше нет.
И капли повседневности отлажено
Смывают очевидности побед.

Я стал мудрее, медленнее, что ли.
Не жалится чужих острот печаль.
И вместо, столь привычной телу, боли:
Глаза в глаза, как в солнечную даль.

А рядом, как желанное начало,
Как позволение открытых врат:
Я не хочу, чтоб ты со мной скучала,
Как много-много, много лет назад...

Переоценка, переосмысление...
Касаний тонких лёгкое кипение
Опаловую россыпью легло
В сады нейронов для преображения.

Что было? Ветра буйство и метание,
Рост в тишине наощупь, соискание,
Падение в спасительную дрожь,
Блаженство встреч и горечь расставания.

Неотвратимость вечного течения
Смиряет чувства в круге средостения.
Их радуга на целый свет одна,
Как символ бесконечного терпения.
